

Глава 20. Освобождение от поселения

Родила Нина 15 июня 1953 года. Родила мальчика, которого, как мы и договаривались, назвали Ромуальдом, именем моего умершего брата. Родился Ромочка крупным и здоровым, у Нины было много молока и ничто не предвещало беды.

На работе тоже всё складывалось как нельзя лучше. Работа была интересной и в некотором смысле даже творческой. Оклад 1200 рублей по тем временам достаточно большой. Бухгалтерам начисляли всего от 500 до 600 рублей, правда, большинство из них получали еще северную надбавку. Я же, находясь на спецпоселении, права на неё не имел. Теперь мы могли позволить себе покупать мясо. Им торговали в коммерческом магазинчике, расположенном на улице Ленина в полуподвальном помещении, напротив школы № 45. В народе этот магазинчик называли “Камешкой”. Там всегда была очередь и если кто-нибудь начинал выбирать кусочек получше, то все поднимали крик. Я этого крика боялся и поэтому, как правило, приносил домой в основном кости.

В газетах тоже наступило некоторое затишье. Много писали о проблемах сельского хозяйства и лёгкой промышленности, о необходимости повышать благосостояние людей. И почти ничего о врагах народа. И вдруг 10 июля сообщение об аресте всеильного Берии. Следуя традиции, его обвинили в шпионаже в пользу многих иностранных разведок, и, прежде всего английской, и объявили ярким врагом народа. Хотя и его предшественникам Ягоде и Ежову в своё время были предъявлены столь же фантастические обвинения, теперь, после смерти Сталина, всё это выглядело очень двусмысленно. Что означало устранение Берии? Возврат к “незаконной практике” или же ещё один шаг по пути к законности и смягчению режима?

Енисейск наполнился слухами. Люди, таясь, рассказывали самые невероятные истории о событиях в Кремле и на Лубянке. Говорили, будто бы Берия двинул войска МВД на Кремль, что ему успешно противостоял Жуков с армейскими частями. Ожидали крутых перемен в политике. Ссылные надеялись на послабление, а возможно даже на освобождение и реабилитацию. Но ничего не происходило, всё свелось к организации коллективных петиций и массовых митингов осуждающих “гносного предателя”.

На одном из таких митингов мне пришлось побывать. Было прохладно, шёл дождь. Нас собрали в похожем на ангар новом здании центральных ремонтных мастерских. Наспех сколоченная

трибуна. На трибуне директор мастерских Мартынюк, главный инженер Колпаков, представители райкома. Выступают штатные ораторы. Клеймят Берия, называя его английским наймитом и предателем. Похоже, что большинство присутствующих не верит в реальность обвинений. Но в том, что Берия гнусная личность, верят многие. Хотя и не все. Я верю. Верю, но не могу понять причин происходящего. Одно, несомненно, кто-то “наверху”, скорее всего Хрущев, победил в грандиозной политической схватке. Весь вопрос, в каком направлении будут развиваться события дальше.

Нина, наслушавшаяся сплетен о любовных утехах Берии, суд над ним одобрила. Ее отношение к нему хорошо проецировалось на её личную судьбу. Мне очень хотелось сказать ей, что и другие там, наверху, не лучше Берии и что со временем все об этом узнают. Но я этой возможностью не воспользовался. Слишком это было бы похоже на месть Нине. Позволить себе такое я конечно не мог.

К тому же нам с Ниной было вообще не до этого. Последнее время резко ухудшилось здоровье Ромочки. После каждого кормления его тошнило, начиналась рвота, которая периодически заканчивалась судорогами. Остановить их удавалось только введением в ножки физиологического раствора. От нестерпимой боли он заходился в крике и синел. Я запаниковал. Не мог себе простить, что дал ему имя умершего брата, ведь говорили мне, что это плохая примета.

Вскоре его с Ниной положили в больницу. Но это только усложнило положение. В больнице никаких удобств. Даже туалет на улице. Помыть Ромочку негде. Спала Нина на стульях, приставляемых к его кровати. Другие, находящиеся в палате мамы с подозрением и опаской относились к Ромочкиной болезни: а вдруг она заразная. К тому же дома я постоянно подменял Нину, давая ей возможность хоть немного отдохнуть. В больнице же это исключалось, ведь в палате были сплошь женщины, и мое присутствие их стеснило бы. Нина была на пределе, ее мучили головные боли.

Но самое главное, состояние Ромочки не улучшалось. Неделя шла за неделей, а рвоты и судороги не ослабевали. Диагноз установить не удавалось, лечение не помогало. Просьба пригласить специалиста из Красноярска игнорировалась. По всему чувствовалось, что и лечащий врач, и медсестры относятся к Ромочке как к безнадежному больному.

Естественно встал вопрос о поездке в Красноярск для консультации со специалистами. Для этого, прежде всего, следовало идти в комендатуру и добиваться разрешения на поездку Нины с Ромочкой в Краевую больницу на консультацию.

- Не звери же они, в конце концов, - убеждал я себя.

Однако в этой просьбе нам по существу отказали. В комендатуре от нас требовали направление больницы, а в больнице – разрешения комендатуры. Исчезли последние крупницы веры в справедливость и человечность государства и его руководителей.

В один, страшный для нас день, врач, лечившая Ромочку, заявила Нине:

- Мамаша, ну что Вы так волнуетесь. Давно надо подготовить себя к мысли, что такие дети не живут.

Нина прибежала ко мне на работу в истерике. Я, подумав, что Ромочка умер, чуть не потерял сознание: ноги стали ватными, в глазах потемнело. Когда сослуживцы, наконец, добились от Нины связного объяснения случившегося, я пошел в больницу и забрал Ромочку домой. Это был страшно ответственный и рискованный поступок.

Как сейчас помню, сбежались врачи, сестры. Возмущались моим, как выразилась одна из них, «диким» поступком, потребовали, чтобы я написал расписку, и предупредили, что скорая помощь нас обслуживать не будет, и вся ответственность за последствия ложится на меня.

И все же оставить Ромочку в руках медиков, в душе приговоривших его к смерти, я не мог. Те процедуры, которые делали ему в больнице, дома, ничуть не хуже, могла выполнить Эрна Андреевна, одна из наиболее опытных медицинских сестер больницы. Кроме того, забрав Ромочку домой, я получал возможность прибегнуть к помощи ссыльных врачей.

Начались тяжёлые дни и ещё более страшные ночи. Рвота и судороги продолжались. Ромочка быстро худел. Большая головка с не по-детски печальными глазами, вспученный живот, худые, обтянутые кожей кости рук и ног. Кто только не смотрел его, чем только не лечили. Ничего не помогало.

Я был в отчаянии. Каждое утро, перед уходом на работу становился на колени перед его кроватью и молил Бога о пощаде и помощи. Даже пытался молиться, но вспомнить мог только первые слова моей детской молитвы: «Vater unser der du bist im Himmel». Молился, от отчаянья, без веры в Бога.

Прошел месяц, но ничего не менялось, Ромочка умирал, и никто не мог нам помочь. Каждый день в обеденный перерыв бежал я к концу нашей улицы и, убедившись, что пелёнка, специально вывешиваемая на палке перед окном и означавшая, что “он” ещё жив, на месте, бежал обратно. На то чтобы дойти до дома и вернуться обратно времени не хватало. Тем более что, добежав до дома, не мог не зайти, а, зайдя, не мог оторваться от его постельки.

В один из дней, пелёнку сорвало ветром, и я, не увидев её, бросился домой. Слезы застилали глаза, ноги не слушались, сердце отчаянно билось. Перепрыгивая канаву, поскользнулся и упал на правый бок. Что-то хрустнуло, острая боль пронзила меня. Не помню, как добрался до дома. Нина, сидя на стуле, кормила Ромочку грудью. Жив! Я припал к его худым ножкам и стал их целовать.

Узнав случайно, что в городе отбывает ссылку известный московский терапевт, Куликов, бросился на его розыски. В больнице существование Куликова подтвердили, и даже дали его адрес, но предупредили, что ему, по неизвестным им причинам, врачебная практика запрещена. Жил он в другом конце города, и работал в какой-то коммунальной конторе. Мне с большим трудом удалось уговорить его посмотреть Ромочку.

Знакомство с больным Куликов начал с осмотра Нины и уже через несколько минут объявил, что она беременна. Объяснив, что кормление ребёнка грудью не всегда защищает женщину от беременности, рекомендовал, на всякий случай, перевести его на искусственное вскармливание. Это было легко сказать, но невероятно трудно выполнить. Попытка воспользоваться услугами молочной кухни чуть не окончилась катастрофой. В ту ужасную ночь рвота и судороги не прекращались до утра. Нужно было грудное молоко. И опять помогла нам Эрна Андреевна, разыскавшая среди знакомых ей немок двоих, которые согласились помочь нам в беде. Но соску Ромочка не брал, требовал грудь. Тогда Эрна Андреевна забрала к себе Ромочку, и несколько дней мы видели его только спящим.

Трудно сказать, в какой мере это ему помогло. Рвоты, хотя и не такие частые, продолжались ещё многие месяцы, судороги же случались всё реже, а к осени вообще прекратились. По мнению Куликова, причинами болезни могли быть либо родовая травма, либо несовместимость резусов крови. У Нины был отрицательный резус, а у Ромочки, как и у меня, - положительный. К осени встал

вопрос о прикармливании. Оно требовало качественных продуктов, в частности фруктов. А их в те годы в Енисейске раздобыть было трудно. Ни в магазинах, ни на рынке такими продуктами не торговали. Пару раз яблоки нам покупал Машуков в райкомовском буфете. Через несколько месяцев, когда Ромочка немного подрос, потребовалась гречневая сечка, но и её купить в Енисейске, даже по справке врача, было невозможно. Выручили нас ссыльные, Иссерлис и Капелевич, с которыми меня познакомил Куликов. По его словам первый из них, в прошлом был вторым секретарём Ленинградского обкома партии, а второй - членом Совета труда и обороны. Насколько достоверными были эти сведения, я не знаю, не проверял, но из их рассказов о прошлой жизни следовало, что занимали они высокие посты и довольно близко знали многих видных партийных деятелей страны. Их родственники прислали нам из Москвы гречневую сечку и какие-то зарубежные и по тем временам крайне дефицитные детские смеси.

Позднее, в сентябре пятьдесят четвертого, Иссерлис помог написать и отправить в прокуратуру РСФСР так называемую «жалобу в порядке надзора» с просьбой пересмотреть мое дело и отменить ошибочное решение Тамбовского суда. Такие «жалобы» в те годы писали практически все репрессированные по политическим статьям.

В Енисейске в те годы отбывали ссылку многие известные и не очень известные в прошлом политические деятели, их жены и дети. Среди них, например, коммунист с восемнадцатого года А.И.Тодоровский. В годы гражданской войны он командовал дивизией, а позже служил начальником Военно-воздушной академии. Был награжден четырьмя орденами Красного Знамени. О его книге «Год - с винтовкой и плугом» с большой похвалой отзывался сам Ленин. И все же в 1939 году Тодоровский был арестован и, после пятнадцати лет лагерей, отбывал бессрочную ссылку в Енисейске. Здесь он возил воду на старой кляче. Несмотря на всё пережитое, Тодоровский, по крайней мере, на словах, оставался ярым большевиком.

Отбывал в Енисейске ссылку и с 1948 по 1950 год известный физик-теоретик доктор физико-математических наук, профессор Юрий Борисович Румер, арестованный в 1938 году вместе с Л.Д. Ландау и М.А. Корец. Большую часть своего десятилетнего лагерного срока он отбывал в созданных Лаврентием Берия «шарагах» - лабораториях за колючей проволокой, в которых были собраны крупнейшие конструкторы самолетов и ракет, физики-

теоретики, академики: А.Н. Туполев, С.П. Королев, В.П. Глушко, Л.Д. Ландау, А.И. Некрасов, Б.С. Стечкин и многие, многие другие ученые, создавшие славу советской науки и техники. В Енисейске, куда он после окончания лагерного срока был сослан на пять лет, ему удалось получить работу преподавателем в Енисейском учительском институте и комнату в бараке на Рабоче-крестьянской улице. В конце 1950 года благодаря усилиям товарищей и прежде всего президента АН СССР С.И. Вавилова его перевели в Новосибирск.

У нас в плановом отделе работал экономистом Керим Саид-Галиев. Его отца, председателя Совнаркома Татарской республики, расстреляли в 1936 году. Керима же вместе с матерью выслали в Енисейск. Жили они на нашей же улице в такой же, как у нас двухкомнатной квартирке. Керим не очень распространялся о героическом прошлом своего отца, но любил его и гордился им. Был он хорошо образованным экономистом и поддерживал связи со своими московскими друзьями. Долгими зимними вечерами, у него на кухне, мы обсуждали последние новости, прежде всего неофициальные, получаемые через его друзей. Моя дружба с Керимом продолжалась многие годы.

Глубокой осенью 53 года в Енисейске произошло событие, взволновавшее всех жителей города. С центральной площади прямо из-под носа городского отделения милиции и комендатуры исчез памятник Сталину, памятник, к которому привыкли, с которым сжились. Исчез глубокой ночью, оставив после себя пустой постамент и несколько искусственных красных гвоздик. К такому событию общественное мнение ещё не было готово. В глазах подавляющего большинства советских людей Сталин оставался великим государственным деятелем, вождём, обеспечившим победу советского народа в Великой Отечественной войне. До двадцатого съезда КПСС и секретного доклада Хрущёва, с которого началось развенчание культа личности Сталина, оставалось еще более двух лет.

Наконец, к толпе людей, собравшихся тем утром на площади и с удивлением взирающих на опустевший постамент, вышел какой-то милицейский чин и объявил, что памятник увезли на реставрацию. Люди удивлялись:

- Какая ещё реставрация, зачем? Ведь вчера памятник стоял целый и невредимый, без единой царапины, сверкая своей мраморной белизной. Что случилось ночью?

Город наполнился слухами. Говорили, что кто-то ночью, орудуя тяжёлым молотком, изуродовал памятник, а власти, чтобы люди не увидели разбитый лик вождя, срочно сняли его с постамента и в ту же ночь направили на реставрацию. Знающие люди говорили также, что виновного задержали на месте преступления, что им оказался душевно больной человек, состоящий на учёте в психиатрической больнице. Остальные же строили домыслы. Под подозрением оказались, прежде всего, ссыльные. И мы ещё долго старались обходить площадь стороной, вызывая дополнительные подозрения у наиболее бдительных граждан.

Последующий вихрь политических событий и, в частности, двадцатый съезд КПСС, привели к тому, что реставрация памятника стала не нужна. На пустовавший же постамент через восемь лет поставили уже не столь помпезный, отлитый из чугуна чёрный памятник В.И. Ленину.

Двадцать восьмого мая 1954 года наконец-то закончилась Нинина ссылка, и она получила паспорт. Хотя внешне он был таким же, как и у всех свободных граждан, однако знающие люди говорили, что в буквах, означавших серию паспорта и в его номере, закодированы все Нинины прегрешения перед государством. Расшифровать этот код мог любой работник спецчасти. И хотя получение ею паспорта не делало нашу семью по-настоящему свободной, всё же мы были несказанно рады, что дожили до этого события. Теперь хотя бы Нина стала свободным человеком и могла ехать куда угодно, например, в Красноярск, чтобы лечить Ромочку, или к матери в Отрадовку. Я же оставался на спецпоселении и продолжал отмечаться в комендатуре.

Вскоре нам выделили новую квартиру, на соседней улице в таком же щитовом домике. Состояла она из двух стандартных квартир, которые располагались вдоль длинной стороны дома. В результате получилась цепочка из четырех маленьких комнат, начинавшихся и заканчивавшихся кухнями. Одну из них я приспособил под туалет и ванную. Теперь можно было привезти Ольгу Федотовну.

В конце сентября меня вызвал к себе Царьков, тот самый комендант, который два года назад встречал нас с Ниной на Енисейской пристани, и, ссылаясь на рекомендацию заведующего районо, стал уговаривать перейти на преподавательскую работу в школе.

Его предложение было неожиданным и не очень привлекательным. Работа в должности заместителя главного бухгалтера

треста была и более престижной и лучше оплачиваемой. Были, конечно, свои трудности, но не такие, чтобы из-за них переходить на более трудную и хуже оплачиваемую работу. Так я подумал, а вслух, поблагодарив за предложение, сказал:

– Когда я ехал сюда, в Крайноно меня предупредили, чтобы я и не думал устраиваться в школу, даже истопником, – уже от себя, для большей убедительности добавил я.

Царьков, сославшись на то, что теперь обстановка в корне изменилась, больше нажимал на то, что я не должен оставаться равнодушным, когда в школах не введутся уроки математики.

- Для чего же тогда государство дало Вам образование? - спрашивал он меня.

Мне хотелось сказать, что образование я получил сам, и скорее вопреки государству, чем благодаря ему, но вслух произнести такое, естественно не решился.

Поколебал он меня только тогда, когда сказал, что руководство и учащиеся лесотехнического училища, в котором я уже второй год преподавал математику, техническую механику и электротехнику, с большой похвалой отзывались о моей педагогической деятельности. Мне это было приятно. В глубине души я всегда мечтал о том, чтобы преподавать математику, физику, астрономию. Очень рано начал заниматься репетиторством, причём довольно успешно. И теперь эта похвала. Возможно, стоило согласиться. Тем более что это создавало условия для занятий столь любимой мною математикой, и рождало надежду на поступление в аспирантуру. Нина, которой это предложение показалось не очень заманчивым, сказала:

- Ну, вот, ты как всегда, тебя только похвали, и ты будешь носом землю рыть.

На окончательное решение о переходе в школу повлияли события в тресте. С первых дней работы там я пытался реализовать свои планы по организации в леспромхозах цехового хозрасчёта. Однако этому мешала существовавшая практика управления, когда от руководителей подразделений требовали выполнения плановых показателей по объёму и сортименту любой ценой. К каким экономическим и финансовым проблемам приводили принимаемые технические или организационные решения никого не интересовало. Убытки леспромхозов покрывались прибылью сплавных контор, образующейся за счёт разницы между отпускными и планомерно-расчётными ценами на реализуемую древесину. О каком цеховом хозрасчёте могла идти речь, если экономиче-

ские принципы попирались в масштабе всей страны. Попытки хотя бы отчасти противодействовать этим процессам, и, особенно, моя большая статья на эту тему, опубликованная в газете «Красноярский рабочий» окончательно испортили мое отношение с главным инженером треста Анатолием Рычковым. После одной из очередных стычек, несмотря на уговоры Машукова, я дал согласие на работу в школе.

А через два месяца, 19 октября 1954 года, произошло невероятное: меня вызвали в комендатуру и вернули паспорт. Соликамская паспортистка оказалась права: отбирать паспорт у меня не имели права, и Москва вернула его в Енисейск. Это был тот самый паспорт, который я в Туруханске отдал Колягину, серый, невзрачный, с порочащими меня номерами. Единственное, что было новым, так это енисейская прописка, и штамп, свидетельствующий, что я состою в браке с гражданкой Терещенко Ниной Георгиевной.

Енисейск. Нас уже четверо.

Было такое ощущение, как будто кто-то неожиданно снял с меня тёмные очки и вынул из ушей вату. Мир наполнился красками, звуками. Я вновь почувствовал себя человеком. Радость была даже более острой, чем при освобождении из лагеря. Его наличие, хотя и не превращало меня в полноценного советского гражданина, но давало некоторые, пусть и ограниченные, возможности перемещения. Тридцать девятый пункт паспортного ограничения, исключавший возможность проживания в областных и краевых центрах продолжал действовать. И всё же теперь у нас с

Ниней появилась свобода выбора, и мы могли помечтать о будущем. В тот день я не мог найти себе места ни в школе, ни дома. Идти к друзьям и делиться с ними радостью, было неловко. Ситуация складывалась парадоксальная. Подавляющее большинство российских немцев продолжало находиться в вечной ссылке, а мне и известному в Енисейске хирургу Бендику, вернули паспорта только потому, что в момент массового выселения мы жили в областях, откуда такое выселение не производилось.

Отмечая это событие, мы в тот день всей семьёй пошли на берег Енисея. Там, за огромным по Енисейским меркам зданием сорок пятой школы и пожарной каланчой, было нечто похожее на городской садик.

Тощие, худосочные осинки с остатками ещё не сорванных северным ветром побуревших сморщенных листьев, одинокая, корявая берёзка и развалившаяся скамья. На ней мы и расположились. Перед нами простирался Енисей. Его тяжёлые, свинцовые воды, казалось, совсем не двигались. Но это была только видимость. Весной мы могли воочию убедиться, сколь стремительны они, какой разрушительной силой обладают. Как похожи они на время, которое порой несётся стремительно, сметая и разрушая привычный образ жизни, а порой, как сегодня, застывает в радостном ожидании. Ромочка, держась за Нинину юбку, искал камешки, а Валерик бросал их в сторону реки, однако только некоторые из них долетали до воды, и тогда было видно, как образовавшиеся круги уносило течением.

Мы шли сюда, на берег Енисея, думая, что нам удастся обсудить открывающиеся возможности. Но так мягко и ласково грело позднее осеннее солнце, так тих и неподвижен был воздух, так мирно играли дети, что говорить не хотелось. Хотелось, что бы эти мгновения длились вечно.

К этому времени я уже несколько месяцев работал в школе. Преподавал математику в шести из семи существовавших в школе восьмых классах, и, кроме того, продолжал вести занятия по механике и электротехнике в лесотехническом училище.

Школа N 45, теперь это школа N1, и по площади, и по численности учащихся была самой большой в городе, а возможно и в крае. Здание старинное, возведённое ещё в 1886 году. Три этажа. Стены метровой толщины. Классные комнаты просторные, потолки высокие. Только окна, соответствующие сибирским стандартам, казались, если не маленькими, то недостаточно большими. Мне, привыкшему к пропорциям, принятым в европейской части

России, даже днем, особенно в зимний период, не хватало света, и я включал электрический.

Фасадом школа выходила на улицу Ленина. Рядом исторический музей и центральная площадь, потерявшая свой вид после исчезновения памятника Сталину. За школой, небольшой двор с несколькими теплицами, в которых юннаты выращивали огурцы и помидоры. А дальше за высоким, полусгнившим забором, по существу на самом берегу Енисея, та самая площадка, которую мы с Ниной, шутя, называли парком, и, которую любили иногда посещать.

К лету от скамеек оставались только цементные боковушки. Конечно, современная молодежь разбила бы и их, но тогда до этого почему-то дело не доходило. Несмотря на запущенность этого места, а возможно именно из-за нее я любил приходить сюда в трудные минуты жизни. Смятение души, и острое чувство одиночества хорошо гармонировали с окружающей обстановкой. А Енисей, необъятный простор которого напоминал мне море, успокаивал, вымывая из души боль и обиды.

Коллектив школы большой, давно сложившийся, опытный. Одних учителей математики около семи человек, и среди них такая замечательная учительница как Клавдия Филипповна Сопозко (на фотографии вторая слева в первом ряду). Так, что поучиться было у кого. К сожалению, на это не хватало времени. Каждый день шесть уроков в школе и четыре урока в училище. На переменах общался преимущественно с учениками, в учительскую ходил редко, не хотел лишний раз встречаться с начальством. Кроме того, боялся быть вовлеченным в разговоры на политические темы. Всегда помнил, что в школе, идеологическая чистота преподавательского корпуса находится под неусыпным контролем партийной организации и органов государственной безопасности.

Директором школы в те годы была Анна Ефимовна Цветкова, мягкая деликатная женщина, которая из-за шейного радикулита и зимой, и летом, покрывала голову серым пуховым платком. Завучем - Евдокия Ивановна Горбачёва, властный и очень строгий педагог, которую, как мне казалось, побаивались не только учителя, но и сама Анна Ефимовна.

Эти первые месяцы стоили мне невероятных усилий: 36 недельных часов в школе и 24 часа - в училище. Спасало то, что работа в школе требовала всего одной подготовки. Но вместе с тем необходимость шесть раз подряд объяснять один и тот же материал хоть кого могла довести до иступления. Особенно

трудно приходилось тогда, когда уроки не получались. В такие дни выходил из школы разбитым и униженным. Ни с кем не хотелось говорить. Хотелось уйти в облюбованный нами «парк», и там, оставив за спиной и школу, и город, отдаться своим невеселым думам. Но даже этого позволить себе практически не мог. Надо было спешить в училище.

К сожалению должен признаться, что в те первые месяцы моей работы в школе таких не получающихся уроков у меня было немало. Я слишком много говорил сам, не оставляя времени на самостоятельную работу и опрос. Мучительно колебался, оценивая ответы. И в результате терял контроль над дисциплиной.

В какой-то мере эти неудачи были естественны. Ведь у меня практически не было опыта работы с детьми в условиях классно-урочной системы. Три урока, проведенных в период педагогической практики в Тамбове, не в счет. А довольно большой опыт репетиторства, помогал мало, так как протекал индивидуально. Мои же трудности возникали, прежде всего, из-за неумения управлять коллективом. Не помогал и опыт преподавания в училище, где моими учениками были взрослые люди: бракеры, десятники, мастера леса.

Но были и внутренние присущие лично мне причины. Я никогда не умел настоять на выполнении своих требований. Даже своих собственных детей не мог заставить делать то, что считал необходимым, а тем более учеников. При малейшем затруднении, с которым они сталкивались при изучении нового материала, или при решении задачи спешил на помощь, часто даже вопреки их желанию. Объяснял слишком подробно, не оставляя ничего, над чем ученикам следовало бы подумать самим. Задавая вопросы, боялся поставить ученика в затруднительное положение, и если чувствовал, что ответить он не сможет, начинал подсказывать. Большинство своих педагогических неудач я склонен был объяснять, прежде всего, слабостью характера. Однако Нина с этим категорически не соглашалась:

- Ничего себе слабый характер, - возражала она, – Выжить в лагере, не опуститься, преодолеть столько преград, и вопреки всему получить образование и специальность, на это нужен не один, а целых десять характеров.

Я же придерживался иного мнения. Считал, что мое выживание и успехи в учебе все это получалось само собой без особых усилий с моей стороны. Мне редко когда приходилось ломать себя, поступать вопреки своим желаниям. Преодолевал не столько себя, что, по моему мнению, было бы признаком сильного харак-

Енисейск. Коллектив школы №45.

В первом ряду в центре, пятая слева, директор школы Цветкова Анна Ефимовна, по левую руку от нее, в темном платье - завуч Евдокия Ивановна Горбачева.

тера, а внешние обстоятельства. С таким же успехом Нина могла считать проявлением сильного характера, то, что я не пью и не курю.

Никогда не забуду свой первый урок. За партами мальчики и девочки. Все такие разные, а форма у всех одинаковая, Синие курточки, синие брюки, коричневые платья, черные фартуки, беленькие воротнички. Только банты у девочек разные. Все с любопытством наблюдают за мной. Наверное, ищут уязвимые места. К тому же математика у них не велась почти целую четверть.

Желая увлечь учеников своим предметом, и ошеломить своими знаниями, рассказывал им о роли математики в технике, науке, практической, повседневной деятельности людей, об отдельных фактах из жизни выдающихся математиков. К концу шестого часа вымотался до предела, но проведенными уроками остался доволен. Ученики внимательно слушали, задавали вопросы, а потом после звонка стайками ходили за мной. И было

мне невдомек, что многим из них мой урок понравился, прежде всего, тем, что не было на нем ни теорем, ни решения задач, а главное не было опроса.

Я, конечно, понимал, что настоящий интерес к математике можно сформировать только в математической деятельности, главным образом, решая задачи, однако, несмотря на это, долго не мог перестроиться. Продолжал много говорить сам, не оставляя времени на самостоятельную работу и опрос, и тем провоцировал своих учеников на посторонние разговоры.

Педагогические проблемы то и дело, встававшие передо мной, были, как правило, значительно сложнее решаемых с учениками математических задач. Решая их, я часто совершал грубые педагогические ошибки. В этом случае меня охватывало отчаяние, и хотелось вернуться в трест. Но время шло, и моя работа в школе постепенно приходила в норму. Шаг за шагом постигал я азбуку педагогического труда. Выручала любовь к математике, к детям и большое терпение. Труднее всего было выработать в себе столь необходимую любому педагогу требовательность. Чтобы этому научиться, посещал уроки Клавдии Филипповны Сопозко. После таких посещений уходил домой подавленным, понимая, что никогда не сумею так жёстко и в таком темпе вести уроки. Но математику я всё же знал лучше и лучше решал задачи. И это поддерживало меня лично, и мой авторитет в школе.

Весь первый год искал я учеников, любящих математику. Искал и находил: Валентин Сапожников, Ада Симонова, Таня Сметюк, Валя Мизонова, Галя Прокофьева, Виктор Клишкин, Валентин Зябликов и многие другие. Больше всего их было в 8«в», уроки в котором я проводил с удовольствием. Естественно, были ученики, подход к которым я так найти и не смог. К сожалению таких было большинство, и это мучило меня.

К концу учебного года сформировалась группа наиболее близких мне учеников, в которой своей активностью выделялась Ада Симонова, маленькая, круглолицая татарочка с тёмно-кариими глазками и вздернутым носиком. Она мало внимания уделяла своей внешности, зато великолепно, пожалуй, лучше других моих учеников, решала задачи, решала с жадностью, предпочитая их изучению теории. Острая на язык, она доставляла много хлопот учителям и руководителям школы. Не прочь была сорвать урок. Но ко мне относилась исключительно хорошо, хотя и любила над чем-нибудь посмеяться. Она часто провожала меня до дома и помогала Нине в её хлопотах по хозяйству. Когда Нине удавалось

вырваться в кино, куда мы с ней ходили по очереди, Ада оставалась помогать мне, занимаясь с Валериком и Ромочкой. Вскоре бдительные соседки, заподозрив в её поведении нездоровый интерес к своему учителю, стали нащёптывать Нине. Но я об этом в то время ничего не знал.

Более обстоятельной и спокойной была Таня Сметюк. Именно её или Валентина Сапожникова вызывал я к доске при посещении моих занятий кем-либо из руководителей школы или инспекторов района. Можно было быть уверенным, что к уроку они готовы. Валя Мизонова, изящная, хрупкая, умненькая, для этой цели не годилась. В присутствии посторонних, она всегда сильно волновалась, особенно если надо было решать задачу у доски, и, поэтому, я её щадил. Сапожников впоследствии окончил Новосибирский университет, защитил диссертацию и в настоящее время работает проректором Красноярского государственного университета по научной работе.

В 8»е» своим интересом к математике выделялись Виктор Климкин и Валентин Зябликов. Климкин впоследствии выполнил ряд интересных исследований, защитил диссертацию и работал деканом математического факультета Куйбышевского педагогического университета. Зябликов, к моему огорчению, изменил математике, посвятив свою жизнь медицине.

Из всех учителей школы наиболее близкие отношения сложились у меня с Александром Рыковцевым. Был он примерно одних лет со мною, окончил философский факультет Киевского университета и преподавал в нашей школе историю. На приведенной выше фотографии он стоит в последнем ряду, рядом со мною. Высоченный, косая сажень в плечах, атлетически сложенный, мастер спорта по спортивной ходьбе. Его жена, Евгения Рыковцева, окончившая тот же факультет, была мастером спорта по плаванию и тоже преподавала в нашей школе, но, что именно не помню.

Был Саша хорошо образован, прекрасно знал историю, неплохо литературу. Его дипломная была посвящена гуманитарной деятельности Миклухо-Маклая. Но в области естественных наук, особенно точных, его знания были весьма скромными. Мы с ним проводили многие часы в спорах об истории и судьбах России. Особой областью наших разговоров была религия. Здесь Саша считал себя специалистом, и даже читал для школьников лекции по атеизму. Но все его знания в этой области сводились к нравственно–этическим проблемам. Вопросов сотворения мира он тща-

тельно избегал, и я с удовольствием ловил его на полном незнании современных космогонических теорий.

Узнав, что я десять лет провел в лагерях, Саша стал осаждать меня просьбами рассказать о жизни за колючей проволокой. Такой интерес к этой теме казался мне естественным. После смерти Сталина, реабилитации врачей, и особенно после публикации в «Правде» статьи об использовании следователями запрещенных методов дознания, общественное мнение было поколеблено, и в душах наиболее чутких, думающих и сострадательных людей посеяно сомнение. К тому же, как мне казалось, охота за ведьмами уже прекратилась. И я рискнул. Свободными вечерами, в основном в субботу, рассказывал я Саше о годах проведенных мною в лагере.

Я думал, что Сашу, прежде всего, будут интересовать политические аспекты моего лагерного опыта. Однако, как оказалось, его в не меньшей степени интересовали чисто уголовные истории, лагерный жаргон, лагерная поэзия и лагерные песни.

Я не думаю, что такая Сашина позиция была вызвана его партийной принадлежностью. Наши разговоры всегда были достаточно прямыми и откровенными. Он действительно верил, что большинство осужденных по политическим статьям были осуждены в основном справедливо, разве, что сроки могли бы быть поменьше. Логика его рассуждений была типичной для того времени. В соответствии с ней, политические заключённые, – это в основном люди, не согласные с политикой партии и правительства и, следовательно, враги, активные или пассивные это не важно. А раз враги, то государство должно их изолировать.

Что мог я противопоставить такой логике? Она воспитывалась в людях с первых дней военного коммунизма. Была присуща она и мне, может быть, в несколько меньшей степени, чем Саше. Возможно, именно благодаря этой логике я без особой обиды отнесся к своему осуждению, к высылке немцев и многому другому.

Спорить было бесполезно. Должен был состояться двадцатый съезд партии со знаменитым докладом Хрущева, появиться повесть Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича» и рассказы Шаламова, что бы хоть часть общества осознала, что граждане страны имеют право на инакомыслие.

И все же многое из того, что содержится в первой части моих воспоминаний, было впервые озвучено именно тогда в беседах с Александром Рыковцевым.

Нине моя дружба с Сашей не нравилась, прежде всего, из-за наших споров на политические темы. Но особенно беспокоил её Сашин взгляд на семейные отношения, который он ни от кого не скрывал. Его теория свободы в браке возмущала Нину, и она, по-видимому, боялась его «дурного» влияния на меня. В какой то мере её опасения были не беспочвенны. Любовь к Нине никогда не мешала мне интересоваться другими женщинами. Эрночка и поэзия Блока научили меня видеть в женщинах не только внешнюю, но и внутреннюю, духовную красоту. Каждая женщина для меня – и тайна и загадка. Я всегда был рад общению с ними.

Но долг, семья и дети все же были для меня ценностями более высокими, чем увлечение женщинами. Важно было не перешагнуть грань, за которой, как я считал, начиналось предательство и разрушение семьи. По себе знал, что семья держится не только на взаимной любви супругов, которая с возрастом может существенно меняться. Не менее важно, чтобы у супругов были общие заботы, общие проблемы. Теперь с рождением Ромочки и особенно после его тяжелой болезни я это отчетливо понял.

В нашей с Ниной жизни таких «объединяющих» забот было немного. В конце декабря врач женской консультации, наблюдавшая Нину, обеспокоенная её крайним нервным истощением, рекомендовала прервать беременность. На том же настаивала и невропатолог Андреева. Обе предупреждали, что ребёнок, после всего пережитого матерью, вряд ли родится полноценным. Не одну бессонную ночь провели мы, прежде чем решились на этот шаг. Нина была уже на третьем месяце, но слишком угрожающим было состояние её здоровья. Как нам потом сказали, должна была родиться девочка. Так потеряли мы Сонечку. Боль утраты усиливалась от того, что мы этот факт скрывали от наших детей. Потом боль утихла, ушла вглубь, на уровень подсознания. Но в трудные минуты жизни мы вспоминали о случившемся и терзались. Помню, как через многие годы, в период нашего с Ниной пребывания в Новом Афоне, при посещении часовни на Иверской горе, Нина поставила свечку и просила прощения за взятый на душу грех.